

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОНЕТИКИ СРЕДНЕБУЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Желтов П.В.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Россия (428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д.15), e-mail: chnk@mail.ru

Статья посвящена вопросам реконструкции пратюркского языка-основы. В настоящее время не проведена реконструкция фонетики древнечувашского языка, также не изучен ряд особенностей вокализма и консонантизма чувашского языка. В связи с этим актуальными являются исследования чувашских диалектов и их говоров в аспекте синхронии и диахронии. Целью статьи является частичная реконструкция фонетики среднебулгарского языка. Низовой диалект чувашского языка сформировался из среднего (средненизового) диалекта, который также «укающий», после проведения заселения чужаками от набегов ногайцев южные лесостепные районы Чувашии стали постепенно заселяться чувашами из современных Янтиковского, Урмарского, Канашского и отчасти Цивильского районов. Средний (средненизовой) диалект чувашского языка является неоднородным (по акцентуации и огублению), но в целом тяготеет к низовому вследствие «уканья».

Ключевые слова: чувашский язык, фонетика, диалекты, тюркские языки, компаративистика.

RECONSTRUCTION OF ANCIENT BULGHAR PHONETICS

ZheltoV P.V.

I.N. Ulyanov's Chuvash State University Cheboksary, Russia (428015, Cheboksary, Moscow prospect, 15), e-mail: chnk@mail.ru

The article is devoted to the reconstruction of ancient Chuvash language basics. No reconstructed old Chuvash language phonetics was made, also wasn't studied a number of vowel and consonant features of the Chuvash language. In connection with this investigation are relevant Chuvash dialects and sub-dialects in the aspect of synchrony and diachrony. The purpose of this paper is a partial reconstruction of phonetics middle Bulgarian language. Lower dialect of the Chuvash language formed from the medium dialect, which of is also an u-dialect, after the defense line against attacks of the Nogai, the southern steppe regions of Chuvashia were gradually populated by Chuvash from Yantikovsky, Urmarsky, Kanashsky and partly Tsivilsky regions. Medium dialect of the Chuvash language is not uniform (for accentuation and labialization), but in general tends to the upper dialect due to u-ation.

Keywords: Chuvash language, phonetics, dialects, turckic languages, comparative studies.

Введение

Чувашский язык является единственным живым представителем болгарской группы. Поэтому в тюркологии чувашскому языку всегда уделялось и уделяется должное внимание, особенно в вопросах реконструкции пратюркского языка-основы. Однако до сих пор нет реконструкции фонетики древнечувашского языка – непосредственного предка чувашских диалектов. Не до конца изучен ряд особенностей вокализма и консонантизма чувашского языка. В связи с этим актуальными являются исследования чувашских диалектов и их говоров в аспекте синхронии и диахронии.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема развития чувашского вокализма в диалектах и его происхождения включает в себя прежде всего такие аспекты, как чувашские междиалектные соответствия

o~*ô*~*y*; происхождение низового *y*; объяснение соответствий чув. *o* ~ общетюрк. *a*, чув. *o* ~ каз.-тат. и башк. *â* ~ мишар.-тат. *a* ~ общекрыпчак. *a*.

Звук *o* в чувашском языке имеет два источника:

1) из общетюркского *a*: *торт*- 'тянуть', *тора* 'гребень', *солă* 'плот', *ола* 'пестрый', *сохрăм* 'верста' ~ общетюрк. *тарт*, *тарақ*, *сал*, *ала*, *чакрым*;

2) из общетюркского *o* в противоположность тат. [и низовому чув.] *y*: (чув. верх. *хол* 'рука, плечо', *сол* 'дорога', *пол* 'быть', *воннă* 'десять', *охă* 'стрела' ~ общетюрк. *қол*, *йол*, *бол*, *он*, *оқ* ÷ тат. *қул*, *йул* || *жсул*, *бул*, *ун*, *уқ* [~ чув. низ. *хул*, *сул*, *пул*, *вуннă*, *ухă*]).

Р.Г. Ахметьянов считает, что переход общетюркского *a* в *a^o>o>y*, свойственный чувашскому, был характерен (*a>a^o>o*) и волжско-булгарскому, и древнебулгарскому языку, о чем говорят чередования *a/o* в болгаро-тюркском заимствованиях венгерского языка, *alma* || *olma* 'яблоко', *bolta* || *balta* 'топор' [3]. Заметим, что эти заимствования являются словами общетюркского облика (без каких-либо особенных фонетических признаков, свойственных болгаро-чувашскому языку) и поэтому могут быть и тюркизмами, поскольку оканье наблюдалось и в половецком языке.

Р.Г. Ахметьянов обращает внимание на то, что общетюркский *o* в верховом диалекте чувашского языка сохранился только в козьмодемьянском говоре (?! – П.Ж.), причём ссылается при этом на Т.М. Матвеева [6]. Исходя из этого неверного постулата (в действительности общетюркский *o* в указанных словах присущ всему верховому диалекту чувашского языка) и постулата о том, что общетюрк. *ö* сохранился также только в козьмодемьянском говоре (северо-западных говорах – сундырско-козьмодемьянских, малокарачкинском и большекарачкинском. – П.Ж.) верхового диалекта чувашского языка (верно!) и в горно-марийском диалекте в тюркских заимствованиях Р.Г. Ахметьянов считает возможным, что слова с этими признаками в козьмодемьянском говоре (северо-западных говорах. – П.Ж.) чувашского языка и горно-марийском диалекте восходят к сергачско-мишарскому говору татарского языка, сохранившему общетюрк. *o* и *ö* до конца XIX в. [1]. Сюда же автор относит сохранившееся в некоторых говорах чувашского языка (каких? – П.Ж.) и в горно-марийском некоторое количество слов (чувашские слова не приводятся), у которых общетюрк. *o* отражается как *a* или, изредка, как *o* (вторичный, по мнению Р.Г. Ахметьянова) [3]:

Общетюрк.	Мар.	Тат.	
<i>йолдаш</i>	<i>йалташ</i>	<i>йулдаш</i>	'товарищ', 'попутчик'
<i>йомақ</i>	<i>йомак</i>	<i>йомақ</i>	'сказка'

<i>соган</i>	<i>шаган</i>	<i>суган</i>	‘лук’
<i>солагай</i>	<i>шалагай</i>	<i>сулагай</i>	‘левша’
<i>оқ</i>	<i>ок</i>	<i>уқ</i>	утверд. частица.

Это, по его мнению, подтверждается тем, что некоторые примеры на *o>a* содержат лишь половецкие и мишарские параллели, причем иногда слова русского происхождения [3]: полов. *соқа* – мар. *шага* – тат. *суқа* ‘соха’; миш. *олук*, *олык* – мар. *алык* ‘луг’.

Данное утверждение неверно, так как все эти слова есть и в чувашском: чув. *соһа/суһа/соҫа* ‘соха’; чув. *олых/улых* ‘луг’. Более того, мар. *шага* восходит не к татарским и половецким аналогам, а к болгаро-чувашскому, так как чув. щелевое *h/* диал. увулярное *Һ* передаются через мар. *з*, а тат. *қ*, чув. и миш. *к* передаются через мар. *к*. Чув. увулярное *Һ* (~ тюрк. *җ*, тат. *з*) присутствует как раз в чувашских говорах, соседствующих с горно-марийским диалектом.

По данному пункту автор оставляет неясным, как в таком случае выглядели слова с *o||ö ~ общетюрк. o||ö* в среднебулгарском (если *o||ö ~ общетюрк. o||ö* из мишарского, то, что было соответствием этим звукам в среднебулгарском – *a ||* ‘некий звук X’?).

По первому пункту Р.Г. Ахметьянов придерживается мнения о том, что переход (*a>a^o>o*) в болгарском и чувашском восходит не к древнему финно-угорскому (пермскому) субстрату (точка зрения Б.А. Серебренникова, см. [8]), а имеет кыпчакское происхождение [3]: «судя по произвольному чередованию *o~a* в древнерусской передаче половецкого произношения в летописи, оканье типа татарского *a^o* имело место и в половецком языке: *аба || оба* ‘медведь-предок’, ‘гнездо, род’; *Алтунопа || Олтунопа*, *Асинь || Осинь* – имена половецких вождей [9]. Оканье наблюдается и в кыпчакских заимствованиях в русском языке: *козак*, *корсак*, *лошадь* (общетюркские соответствия: *казак*, *карсак*, *алаша* или *атлуша* и т.д.). Оканье есть и в узбекском языке, причем переход *a* в *o*, как и в чувашском, сделал возможным переход *ä* в *a*. С другой стороны, оканье (*a>o*), сопровождаемое, как и в татарских говорах, переходом *o* в *a* в словах, наблюдается и в говорах кумыкского языка: *шалай* (общетюрк. *шолай*) ‘так’, *шанча* (общетюрк. *шонча*) ‘сколько’ [5]. Все это, на наш взгляд, заставляет предполагать кыпчакское происхождение оканья».

Здесь автор солидарен с Б.А. Серебренниковым, который доказывает, что в древнечувашском языке (среднебулгарском, согласно Р.Г. Ахметьянову) оканья не было, как не было его и в древнемарийском языке. Восточные (луговые) марийцы, по мнению автора [3], оказались под влиянием окающих кыпчаков-йемеков, предков казанских татар [3], а западные марийцы были в тесных отношениях с окающими кыпчаками – предками

сергачских мишарей [3]. Происхождение оканья самих кыпчаков автор считает возможным связать со скифско-иранским субстратом [3].

Таким образом, верховой чувашский *o* в первом слоге автор считает вторичным, вызванным влиянием кыпчакских языков. Он, однако, не указывает точной хронологии этого процесса (начался ли этот процесс в среднебулгарском или уже после, собственно в чувашском языке).

Переход *o>у* в низовом диалекте чувашского языка Р.Г. Ахметьянов считает третичным (*a^o>o>у*) и связывает с уже вторым по счету преломлением чувашских гласных через призму татарско-башкирского вокализма (первое *a>a^o>o*) [3].

По мнению Р.Г. Ахметьянова, образование низового диалекта чувашского языка произошло при сильном смешении в XV–XVII вв. мишарей и чувашей, при этом чувашский язык, на который перешла часть ассимилированных чувашами мишарей, воспринял систему вокализма мишарского диалекта (переход *o/у*, так как *o* в мишар. отсутствует. – П.Ж.). В тех же местах, где победил мишарский диалект, он не воспринял значительного количества элементов из чувашского языка [3].

По мнению автора, к юго-западу от бассейна Цивилия и Кубни в XVI–XVII вв. жило самое разнородное тюркское и финно-угорское население. К середине XVI в. в южной половине современной Чувашии предположительно господствовал мишарский диалект с сильным влиянием казанско-татарского, о чем, по его мнению, свидетельствует даже название реки Цивиль в русской передаче (ср. мишар. *Цәвел*, но чув. *Савал*, каз.-тат. *Суйыл*[орф. *Чуйыл*], а также некоторые исторические данные, приводимые в диссертации Л.Ш. Арсланова [2], по которым раньше мишари были расселены по р. Свяге до её устья [3].

Там же, однако, автор отмечает, что название Свяга, наоборот (в противоположность названия реки Цивиль в русской передаче), отражает «скорее чувашское (тат. *Зәйә*, *Зүә*, чув. *Сёве*), чем татарское произношение» [3].

Чувашские заимствования в удмуртском языке с *у* в первом слоге – *бусы* ‘поле’ (чув. низ. *пұсă*, чув. верх. *посă* ~ тат. *ба^oсу*), *бултыр* ‘своячница’ (чув. низ. *пултăр*, чув. верх. *полтăр* ~ тат. *ба^oлдыз*), *бусено* ‘свояк’ (чув. низ. *пуçана*, чув. верх. *поçана* ~ кыпчак. *бажсанак), *тумошо* ‘зрелище’ (чув. *тамаша/тăмаша*, *тумаша* ~ тат. *та^oмаша*) и прочие Р.Г. Ахметьянов считает восходящими прямо к удмуртскому языку, а переход *o>у*, по его мнению, осуществился в самом удмуртском языке и не является результатом влияния низового диалекта чувашского языка [3].

Автор не объясняет, как и где получилось верховое чувашское *o* на месте общетюрк. *a*, поскольку, как он сам признаёт, чувашское «окающее» и «огубляющее» население нигде

не соприкасается с татарскими диалектами вообще (со ссылкой на Л.П. Сергеева [7]), а основной ареал распространения чувашского языка нигде не граничит с собственно казанскими татарами, а лишь с мишарами («акающими». – П.Ж.) и смешанными мишаро-казанскими (правобережные районы Татарии. – П.Ж.) говорами [3]. Следует также особо отметить, что горно-марийский язык также является «акающим» (в противоположность «окающему» луговому), поэтому чувашское верховое «оканье» и «огубление» не объяснить марийским субстратом.

Возникает естественный вопрос: не является ли это наследием среднебулгарского языка? Тогда, если кыпчакское влияние на возникновение этой особенности и имело место, то непосредственно в среднебулгарскую эпоху. К сожалению, эпитафии волжских болгар не дают однозначного ответа на этот вопрос, потому что, во-первых, до сих пор нет единого мнения по поводу чтения алифа в первом слоге булгарских слов, а во-вторых, язык эпитафий представляет наверняка не все среднебулгарские диалекты.

Сам Р.Г. Ахметьянов также отмечает, что переход *a* в *o* в первом слоге (по закону субституции) вызывал переход первичного *o* в первом слоге в другой звук [3]. Так, в узбекском языке после перехода *a>o* на месте общетюркского *o* появился звук *ў*. В языках Поволжья и Приуралья общетюрк. *o* замещается звуком *y*, но причинных связей между *a>o* и *o>y* констатировать нельзя, поскольку передвижение *o>y* || *y>ǔ* наблюдается и в татарских и башкирских диалектах и говорах, у которых огубления (*a>a°*) нет и не было [3].

Он также отмечает, что переход *o>y* имел место и в истории финно-угорских языков Поволжья и Приуралья (в частности, в удмуртском, что, по мнению автора, прослеживается в укающих заимствованиях из булгарского, не связанных с низовым диалектом чувашского языка) [3].

Р.Г. Ахметьянов при постановке вопроса о кыпчакском влиянии на чувашское «оканье» и «огубление» не учитывает совершенно различную тенденцию этих явлений в чувашском и казанско-татарском: дело в том, что в третьем слоге татарских слов следы всякого огубления исчезают, хотя в некоторых казанско-татарских говорах она сохраняется, однако даже во втором слоге огубление меньше чем в первом (*a°* (1-й слог) – *a'* (2-й слог) – *a*), о чем упоминает и сам автор [3], в то время как в чувашских диалектах первый слог может быть неогубленным, а последующие (2-й и 3-й) огубленными (что не бывает в татарском), ср. чув. *папой* [паБой] ‘дедушка’ ~ тат.-миш. *бабай*, каз.-тат. *ба°ба`й*; чув. *хăҫон*[хăзон] ‘когда’; *кмоко* [кмоГо] (<*камака*) ‘печка’, *карăм* [карѠм] ‘я пошёл’ (<*кайрăм*). Такие особенности свойственны средненизовому диалекту (говорах Козловского и отчасти Урмарского района) чувашского языка. В других говорах (верхового диалекта) огублению в основном подвержены только гласные *ă*, *ẽ*, а не *a*, т.е. если в первом слоге *ă*, а во втором *a*,

то первый слог может быть огублен, а второй нет, хотя подобное огубление существует и в ряде верховых говоров: в некоторых словах в сундырском и шумерлинском говорах.

Все эти отличия чувашского «оканья» и «огубления» от татаро-башкирского ставят под сомнение предположение Р.Г. Ахметьянова о кыпчакской природе чувашского вокализма в этих отличительных особенностях. Нет в чувашском языке и «акающих» говоров, в котором общечув. *o/y* соответствовало бы *a*, каковые существуют в татарском и кумыкском [3], а также в марийском (горно-мар. *a* ~ луг. *o*).

Исходя из этого, следует считать открытыми вопрос о происхождении чувашского «оканья» и «огубления», а также вопрос об огласовке алифа в болгарских эпитафических надписях.

Что касается низового чувашского «уканья» и его происхождения, то здесь следует отметить, что низовой диалект чувашского языка сформировался из среднего (средненизового) диалекта, который также «укающий», после проведения засечной черты от набегов ногайцев, южные лесостепные районы Чувашии стали постепенно заселяться чувашами из современных Янтиковского, Урмарского, Канашского и отчасти Цивильского районов, которые вначале ездили туда сеять и собирать хлеб, а потом стали там оседать. Вслед за ними там стали селиться и мишари – служилые татары, служившие русской администрации и собиравшие с первых налог (ясак). Многие мишарские деревни были основаны чувашами, которые либо отатарились, приняв ислам, либо, разделившись с мишарями, основали одноименную чувашскую деревню отдельно от татарской (также основанной первично чувашами). Наблюдался и другой процесс – когда изначально татарские деревни заселялись чувашами и очушавивались. Исследования архивных материалов убедительно это доказывают. Однако чувашский этнос всегда в этих районах, как, впрочем, и в настоящее время, составлял большинство. Что, однако, интересно, так это то, что деревень со смешанным населением (в отличие от Татарстана и в особенности Башкортостана) практически нет.

Средний (средненизовой) диалект чувашского языка является неоднородным (по акцентуации и огублению), но в целом тяготеет к низовому вследствие «уканья». Следует, однако, отметить, что Янтиковский и Урмарский районы заселялись из области господства «оканья» (Козловский район), «уканья» (Канашский район), а также то, что в Урмарском районе существует говор пассивного «оканья». Пассивное «оканье» (Средние Юмаши) является интересным феноменом – звук *o* произносится в этом говоре как нечто среднее между *o* и *y*. В принятой Н.И. Ашмарином транскрипции этот звук обозначается как δ .

Чувашское низовое и средненизовое уканье могло развиваться как раз из подобных говоров. В то же время ряд говоров среднего диалекта в области огубления конечного

гласного обнаруживает ряд интересных параллелей с некоторыми болгарскими заимствованиями в русском и восточных языках, ср. русск. *батог* <булг. *бата^о*к* ~ чув. *патак* [паДак], чув. сред. *паток* [паДок], ‘палка’ (Тюрлема, Козловка), перс. *bolgur* ‘крупа из пшеницы или ячменя’ ~ тур. *bulgur*, караим., гаг. *булгур* ‘пшеница грубого помола’, ‘крупа’ (дословно ‘булгар’, т.е. ‘булгарская’) <булг. *бълбор.

Н.И. Егоров отмечал, что «средний диалект сравнительно мало подвергался иноязычным влияниям, здесь меньше всего марийских и татарских заимствований. Система вокализма среднего диалекта сохранила некоторые архаичные черты довольно хорошо реконструируемой среднебулгарской системы вокализма. В частности, здесь наиболее отчетливо проявляются следы губной гармонии, полностью утерянной низовым диалектом и базирующимся на этом диалекте литературным языком, более последовательно произошло сужение *e>i* и т.д.» [4].

Выводы

Таким образом, изучение среднего диалекта и его образования является важным для установления окончательного характера чувашского «уканья», а также при реконструкции фонетики древнечувашского и среднебулгарского языка.

Исследование выполнено в рамках соглашения №14.В37.21.0712 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Список литературы

1. Абдуллаев Ф.А. Хоразмшеваларинингтаснифимасаласи / Ф.А. Абдуллаев. Ташкент: Фан, 1960. 70 с.
2. Арсланов Л.Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: дис... канд. филол. наук / Л.Ш. Арсланов. Казань, 1966. 103 с.
3. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М.: Наука, 1978. 247 с.
4. Егоров Н.И. Чувашская диалектология и этнология // Теория и практика этнологических исследований. М.: Наука, 1985. 104 с.
5. Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967. С.142-143.
6. Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по диалектологии. Вып. I. Чебоксары, 1960. С.26.
7. Сергеев Л.П. Чăвашчĕлхинвырăнтикалаçăвĕсем. Шупашкар, 1969.
8. Серебренников Б.А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. Вып. 9. М., 1956.

9. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С.223-227.

Рецензенты:

Сергеев В.И., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова ФГБОУ ВПО Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары.

Губанов А.Р., д.фил.н., профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВПО Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары.